

А.Г. Авдеев, Д.В. Вальков

МОСТ ПОГИБШЕГО ФИЛОСОФА КАК РУБЕЖ СТАРОРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ¹

К концу 1950-х гг. эпиграфический материал, накопленный преимущественно в результате археологических раскопок 1930-х – 1950-х гг., потребовал обобщения представлений о старорусских надписях. Ключевую роль в этом сыграли изданные в 1960–1962 гг. «Материалы для свода надписей Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв.» В.Б. Гиршберга, который впервые представил в хронологической последовательности 269 надгробий и строительных надписей конца XV – первой половины XVII в. (публикация была осуществлена в соответствии с правилами издания эпиграфических памятников, разработанными антиковедами), исследовал их эволюцию и наметил перспективы их дальнейшего изучения². Несмотря на определенные лакуны, обусловленные временем издания и спецификой публикуемых эпиграфических памятников³, на несколько десятилетий свод стал образцом публикации памятников старорусской эпиграфики и основным пособием по их изучению.

Публикации В.Б. Гиршберга способствовали усилению интереса в первую очередь к старорусским надгробиям. В ряду публикаций 1960-х – 1980-х гг. надмогильных плит из Москвы, Подмосковья, Троице-Сергиевой лавры, Псково-Печерского монастыря и др. заметным явлением стала монография Д.А. Дрбoglав, в которой исследовались «иноземные» надписи Московской Руси⁴.

Анализ введённого в научный оборот значительного массива старорусских надписей показывает, что в московской эпиграфической практике допетров-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Свод древнерусских надписей», организованного Университетом Дмитрия Пожарского при участии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

² Гиршберг: 1960: 3–77; 1962: 212–287.

³ Так, В.Б. Гиршберг вынужден был отказаться от включения в свод московских надписей великокняжеских и царских надгробий из Архангельского собора Московского Кремля.

⁴ Дрбoglав: 1988.

ской эпохи памятники на латинском языке – явление, скорее, исключительное. Это касается и надгробных плит. До XVIII в. репертуар латинографических, в т. ч. и латиноязычных надгробных плит пополнялся в основном за счет надгробий проживавших в Московии иноземцев. Например, в рамках московского некрополя известны как надгробия частных лиц⁵, так и эпитафии военно-политических деятелей раннепетровской эпохи – Патрика Гордона⁶, Франца Лейфорта⁷. Содержание текстов, декоративное и геральдическое оформление этих надгробных плит следует преимущественно за моделями, оформившимися в западноевропейской эпиграфической практике в конце XIV–XV вв. и получившими дальнейшее развитие в XVI–XVII ст.

В русской эпиграфической практике временем существенной трансформации становится конец XVII – первая половина XVIII в. – период, характеризующийся изменениями в формуляре надгробных плит, интродукцией геральдического оформления и новых декоративных элементов, рецепцией гражданской графики букв, использованием новых принципов датирования.

В начале XVIII в. в русской эпиграфике наблюдается постоянное обращение к надписям на латинском языке, в эпоху Московской Руси бывших явлением в высшей степени эксклюзивным. Благодаря новой зрелищной культуре, вводимой царём-реформатором, в российскую повседневность вошла традиция включать в композицию сооружений, возведённых по случаю коронационных торжеств, а также в оформление фейерверков и иллюминаций нехарактерные для Древней Руси латиноязычные надписи на темы античной мифологии и истории⁸. На рубеже XVII–XVIII вв. князь Борис Алексеевич Голицын пытался вызвать одобрение Петра I стихотворными подписями на латинском языке под барельефами со сценами Страстей Христовых в церкви Знамения Пресвятой Богородицы в своём подмосковном имении Дубровицы⁹. Знаковой представляется и официальная закладная плита, датированная 1718 годом, установленная в Кадриоргском дворце от имени Петра I (памятник, маркирующий не только новый стык культур, но, во многом, саму европейскую генетику латиноязычного сегмента русской эпиграфики¹⁰). В целом это можно определить как

⁵ См. в частности: Авдеев, Пирогов 2006: 36–59.

⁶ Сайтов, Модзалевский 1907: 318.

⁷ Сайтов, Модзалевский 1908: 169–170.

⁸ См.: Воробьев: 1999: 183–197.

⁹ Изд.: Кувшинская 2010: 189–209.

¹⁰ PETRUS PRIMUS DEI GRATIA ROSSIAE IMPERATOR "a"EDIFICARE SIBI DOMUM J"SSIT HOC LOCO QUOD EST REVALIAE ANNO 1718 JULII. В правом нижнем углу плиты имеются инициалы: Arch: N.M. MS.; указывающие имена архитекторов-создателей Кадриоргского дворца – соответственно Николо Микетти и Михаила Земцова.

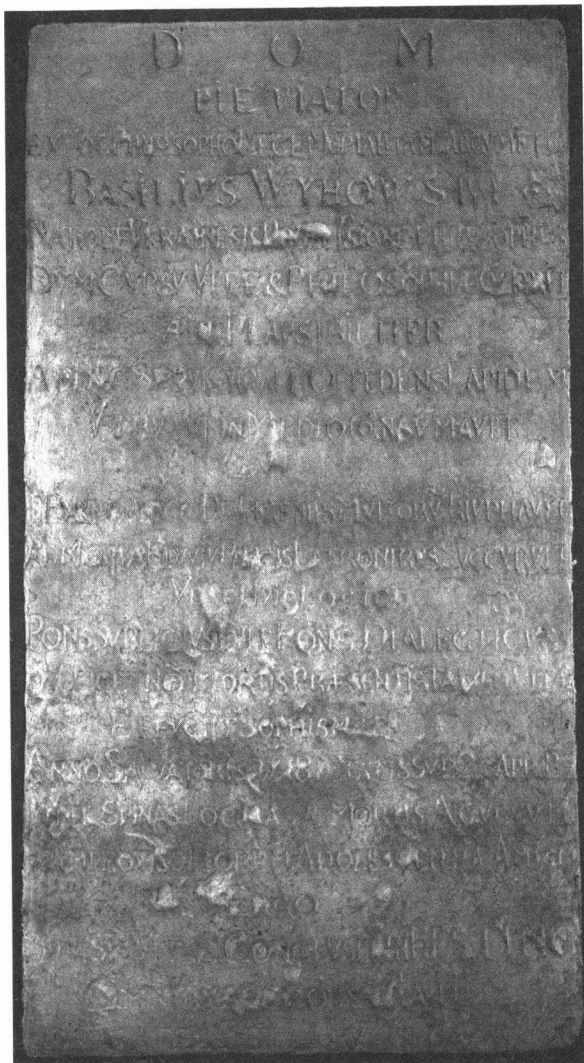

Рис. 1

Москва, Заиконоспасский монастырь.
Эпитафия Василия Выговского. Фото 2013 г.

составляющих европейского университетского образования, а также некоторых черт гуманистической культуры.

Деятельность Василия Выговского приходится на один из наиболее драматических периодов в истории Академии. После ссылки в 1700 г. её первых руководителей братьев Лихудов, инспирированной патриархом Адрианом и

первые шаги новой эпитафической культуры, книжной по содержанию, но западной по сути. В подобных памятниках наиболее явно ощущается разрыв петровской эпохи с традициями Московской Руси.

В XVIII – начале XIX в. эпитафический памятник на латинском языке, не утрачивая некоторой эксклюзивности, занял в русской эпитафике место как среди официальных и частных закладных плит, так и среди надгробий, о чем свидетельствует латинизация как преимущественно петербургского архитектурного пространства, так и петербургского некрополя¹¹.

Латиноязычная эпитафия Василия Выговского (ум. 1718), связанного с московской Славяно-Греко-Латинской академией, располагавшейся в Заиконоспасском монастыре, обращает нас, из-за указанного в самом тексте этнохоронима *Ukrainensis*, к малороссийскому ареалу, в котором интеллектуальная жизнь конца XVI – первой половины XVII в. характеризовалась рецепцией

¹¹ Бударagina 2010.

вызвавшей во время кратковременного управления ею Палладием Роговским (1700–1703) интеллектуальный упадок, Пётр I назначил протектором учебного заведения митрополита Стефана Яворского, издав указ о заведении в Академии «учений латинских». Последняя получила статус Славяно-Латинской и с 1703 г., за неимением профессиональных кадров в Москве, систематически пополнялась преподавателями и студентами из Малороссии¹².

Неясно, был ли Василий Выговский студентом или преподавателем Академии. Эпитафия не даёт ответа на этот вопрос. С. Смирнов, автор обстоятельного исследования по истории Академии, считает его наставником (преподавателем) философии, приводя в качестве доказательства факт существования латиноязычного надгробия¹³. Однако интеллектуальная среда, к которой, очевидно, принадлежал и он сам, и, вероятно, автор эпитафии, усвоившие раскрытые эпохой Возрождения античные гносеологические и дисциплинарные основы философии как учёного занятия, мировидения и предмета дидактического изложения, в наибольшей степени предопределила содержание и план выражения рассматриваемого текста.

Целью данной статьи является публикация и анализ эпитафии Василия Выговского 1718 г., происходящей из московского Заиконоспасского монастыря, – редкого для русской эпитафической практики первой четверти XVIII в. латиноязычного надгробного памятника.

* * *

Текст эпитафии с существенными неточностями и без каких-либо комментариев, кроме указания местонахождения и упоминания Василия Выговского в качестве учителя философии в Славяно-Греко-Латинской Академии, был приведен вместе с переводом в описании Заиконоспасского монастыря, опубликованном в 1887 г. А. Ковалёвым¹⁴. Вторично по данной публикации текст эпитафии был издан В.И. Саитовым и Б.Л. Модзалевским¹⁵.

Памятник является белокаменной плитой-вставкой трапециевидной формы, находится на внешней северной стене храма во имя Спаса Нерукотворного Образа московского Заиконоспасского монастыря (рис. 1–4). Высота плиты – 92,6 см, ширина в верхней части – 49 см, ширина в нижней части – 47,5 см. Врезная надпись из 23 строк. Высота строк: стк. 1 – 3 см, стк. 2 – 2,2 см, стк. 3 – 1,9 см, стк. 4 – 1,9–2,1 см, стк. 5 – 1–3,2 см, стк. 6 – 2,5–3 см, стк. 7 – 1,9–2 см, стк. 8 – 2–2,4 см, стк. 9 – 2–2,7 см, стк. 10 – 2–2,3 см, стк. 11 – 2–2,3 см,

¹² Смирнов 1855: 82.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Ковалёв 1887: 108–110. № 6.

¹⁵ Саитов, Модзалевский 1907: 242.

стк. 12 – 2–2,2 см, стк. 13 – 2–2,5 см, стк. 14 – 2–3,2 см, стк. 15 – 1,9–2,4 см, стк. 16 – 2,5 см, стк. 17 – 2–3,1 см, стк. 18 – 1,9–3 см, стк. 19 – 1,9–2,5 см, стк. 20 – 1,6–2,6 см, стк. 21 – 1,7–2,5 см, стк. 22 – 1,5–2,5 см, стк. 23 – 1,7–2,2 см. Расстояние между строками: стк. 1–2, 2–3, 3–4 – 1,9 см, стк. 5–6 – 1,7–2,5 см, стк. 6–7 – 2 см, стк. 7–8 – 2,9 см, стк. 8–9 – 2 см, стк. 9–10 – 2–2,5 см, стк. 10–11, 11–12 – 2–2,5 см, стк. 12–13 – 1,5–2 см, стк. 13–14 – 2,1 см, стк. 14–15 – 2,2 см, стк. 15–16 – 1,8–2,5 см, стк. 16–17 – 2,2 см, стк. 17–18 – 2,1 см, стк. 18–19 – 2,2 см, стк. 19–20 – 1,8 см, стк. 20–21, 21–22, 22–23 – 1,7 см.

Текст памятника (аутопсия – июль 2013 г.):

- 1 D(eo) O(ptimo) M(aximo)
- 2 PIE VIATOR
- 3 EX НОС PHILOSOPHO ꞑEGę MORꞑAꞑꞑAꞑꞑS ARGVME⁽ⁿ⁾Tꞑ^(m) [vel ARGVME⁽ⁿ⁾Tꞑ^m vel ARGVMEⁿTꞑ^m]
- 4 BASILIVS WYHOWSKI
- 5 NATIONE VKRAINE⁽ⁿ⁾SIS [vel VKRAINEⁿSIS vel VKRAINESIS] Prꞑ[fe] SꞑIONE PHILOꞑOPHꞑꞑ
- 6 DVM CVRSV^(m) [vel CVRSV^m] VITAE (et) PHꞑꞑOꞑOPHIA^e [vel PHꞑꞑOꞑOPHIAE] CVꞑ[ꞑ]it
- 7 AEQ(ualiter) PLAUSIBILITER
- 8 AD HV⁽ⁿ⁾C [vel HVⁿC] SEPVLCHRALI(um) OFFE⁽ⁿ⁾DENS [vel OFFEⁿDENS] LAPIDęM
- 9 VTRVMQ(ue) IN MEDIO CONSU(m)MAVIT
- 10 [---] u/ [---]¹⁶
- 11 [e.g. se uꞑi pro dy(da)ꞑꞑ(al)ꞑ²] DE INGENIIS MVLTORV(m) TRIV^(m) PHAVꞑT [vel TRIV^m PHAVꞑT]
- 12 AD MO^sQVA [vel MOQVA] FLVVIV(m) Paꞑcis ꞑaTRONIB u/ S ꞑVCCVBVIT
- 13 Vę[ꞑ]E HVIC LOGICꞑ
- 14 PONS SVBLICIVS ꞑVIT PONꞑ DIALECTꞑCVꞑ
- 15 QVO LICET NO(n) ꞑORꞑꞑS PRAEꞑęNꞑꞑS TAM[e.g. en vitae]
- 16 EFFVGꞑIT ꞑOPHISꞑaꞑa

¹⁶ Строка с de facto отсутствующим текстом; видны следы разметки строки. Буква V прочитывается с некоторым допущением. Представляется вероятным, что именно к этой строке относится чтение А. Ковалёва Cum in curriculo logico, совмещённое в приведённом им тексте памятника со следующей строкой, начало которой осталось, видимо, для А. Ковалёва неясным (см.: Ковалёв 1887: 109).

17 ANNO SALVATORIS 1718 æTATİŞ ŞVæ 2 [v.]¹⁷ APR^(ilis) 87¹⁸
 18 İNtER SPINAS LOGI k/ AS (et) MOrtİS ACVLçVm
 19 EX IMPROVISO FLOREM ADOLES[c]çNTIAE AMISİt
 20 çrGO
 21 dım şİC VITAM CONCLVSIt İN FESTINO
 22 OMNIbıŞ dçMONStıAVIT
 23 QVAİTER EST ıİVçNdım

1/1. D. O. M. – А. Ковалёв, без раскрытия сиглей¹⁹; 3/3. Argumentum – А. Ковалёв; 5/5. Ucrainensis, professione – А. Ковалёв; 6/6. cursum, et, Philosophiae, currit – А. Ковалёв; 7/7. Aequae – А. Ковалёв; 8/8. hunc, sepulcralem, Offendens – А. Ковалёв; 9/9. Utrumque, consummavit – А. Ковалёв; 11/10. Cum in curriculo logico, multorum, triumphavit – А. Ковалёв; 12/11. Mosquam, fluvium – А. Ковалёв; 13/12. Vere, Logico – А. Ковалёв; 14/13. dailecticus – А. Ковалёв; 15/14–15. non, tamen, vitae – А. Ковалёв; 16/16. Sofismata – А. Ковалёв; 17/17. 25 Apr. 27. – А. Ковалёв; 18/18–19. logicas, et – А. Ковалёв; 19/20. adolescentiae, amissus – А. Ковалёв; 21/23. fesfino – А. Ковалёв. А. Ковалёвым не соблюдено до конца оригинальное расположение слов в 15, 18, 21 строках памятника (по А. Ковалёву, соответственно строки 14–15, 18–19, 22–23). В 19 строке памятника (по А. Ковалёву, 20 строка) у А. Ковалёва отсутствует слово florem, хорошо читающееся в латинском тексте.

Богу Наилучшему Величайшему. Благочестивый путник, от этого философа о бренности выслушай рассказ; Василий Выговский, родом украинец, занятием философ, в то время как путь жизни и путь философии равно похвально проходит, преткнувшись об этот надгробный камень, и тот, и другой на середине завершает; {в то время как на поприще логическом}²⁰, [когда он был наставником?], он восторжествовал над умами многих, у Москвы-реки уступил немногим разбойникам; истинно, этому знатоку рассуждения мост свайный стал мостом диалектическим, где пусть не смерти, но нынешней жизни он избежал уловок; в год Спасителя 1718, в возрасте 2 [v.] лет, в [27] день апреля²¹, среди терний логики уязвленный шипом смерти, неожиданно цвет юности он оставил; итак, меж тем как столь поспешно он завершил жизнь, всем показал, как должно жить.

Латинский язык эпиграфии в целом правильный, с присутствием грецизма *sophisma* для собственно латинского *captio*. К числу парадигматических несоответствий относятся: *sepulchralius* (*ad hunc sepulchralium lapidem*) для *sepulcralis*,

¹⁷ Судя по фактуре и направлению отслаиваний в этом месте плиты, указание числа 5, читаемого А. Ковалёвым, представляется возможным (см.: Ковалёв 1887: 109).

¹⁸ Очевидно, ошибка резчика: вместо 27 выбито 87. Менее вероятным представляется чтение APR^(ilis) 8.

¹⁹ Здесь и далее в обозначении строк первая цифра обозначает строку в тексте памятника, вторая цифра – строку в издании А. Ковалёва.

²⁰ По А. Ковалёву, – *cum in curriculo logico*.

²¹ Менее вероятно: ... в 8 день апреля...

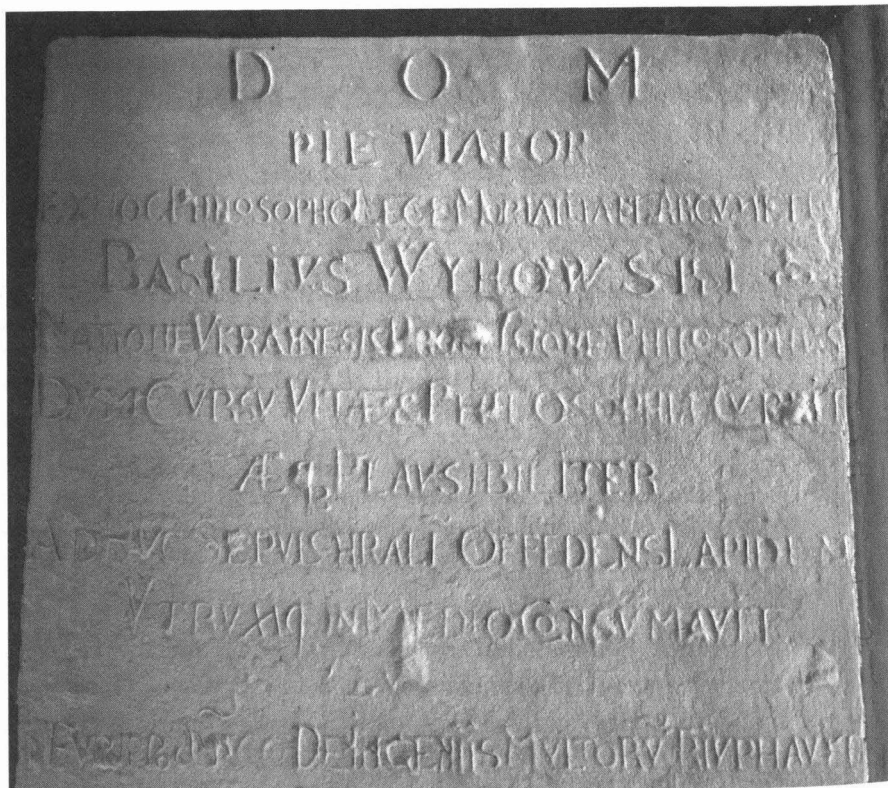

Рис. 2

Эпитафия Василия Выговского. Строки 1–11

logicis (vere huic logici) для logicus, предположительно, philosophia для gen. sing.

Орфографической спецификой памятника является отсутствие в значительном числе случаев назальных: argumetu, Ukrainesis, cursu, huc, offedens, triphavit, при этом отсутствие достоверно читаемых конвенциональных обозначений не всегда дает возможность точно говорить, идет ли речь о собственно орфографической неточности или о подразумеваемом сокращении назального (например, в словах Ukrainesis, offedens). То же замечание может быть отнесено и к написанию фрикативного в гидрониме (Моqua).

Учитывая опыт описания западноевропейского эпиграфического материала, графические формы букв в эпитафии Василия Выговского можно отнести к предгуманистическому капитальному письму с элементами гуманистического капитального письма и, предположительно, курсива. Графическими особенностями памятника являются наличие большего по высоте маюскула в начале каждого слова, а также написание им слова FESTINO, крайне нечеткое графическое разграничение G и C, специфическая графика буквы M в слове

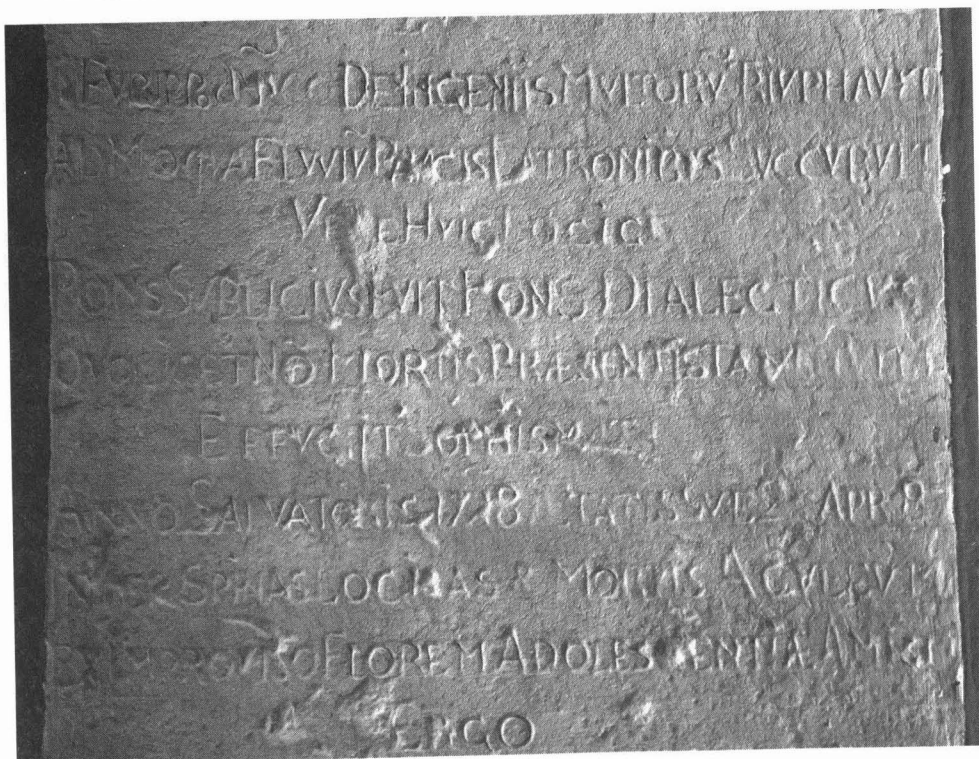

Рис. 3

Эпитафия Василия Выговского. Строки 11–20

VTRVMQ(ue), близкая к рустическим формам. Графема V используется повсеместно как для U, так и собственно для V. Диграф AE передаётся в лигатуре Æ, кроме того имеется лигатура TR в слове TRIV^(m)PHAVIT. Особого рода лигатуры (вписанные лигатуры или вензельные написания) встречаются в словах CV[r]it, CONSU(m)MAVIT, где буквы соответственно V и O вписаны в букву C, а также в слове MVLTORV(m), где буква T совмещена с буквой L. Нестандартным является сокращение назального в слове NO(n) в 15 строке. В 1, 2, 5, 10, 20 строках видны следы разметки строки.

* * *

Эпитафия Василия Выговского мало связана с традициями Московской Руси, её содержание определяют традиции западноевропейской гуманистической эпитафии²². В тексте личность умершего определяется не столько принадлежностью к сословию, цеховой, торговой, университетской корпорации,

²² См. в частности: Хоментовская: 1995.

церковному ордену, общине-приходу, городу или городскому кварталу, что типично для европейского средневекового надгробия (и в какой-то степени для старорусских эпитафий второй половины XVII – начала XVIII в.), сколько свойством интеллектуальной деятельности²³, в связи с чем *professio* получает скорее индивидуально-гуманистическое, а не сословно-корпоративное измерение. С *professio* связан и жизненный путь Выговского, пересекающийся у гробовой доски, как и путь его интеллектуальных исканий²⁴ (*dum cursum vitae et philosophiae currit aequaliter plausibiliter ad hunc sepulchralium offendens lapidem utrumque in medio consumavit; inter spinas logicas et mortis aculeum ex improvise florem adolescentiae amisit*). Текст завершается клаузулой, акцентирующей социальную значимость реализованного индивидуального жизненного опыта²⁵ (*omnibus demonstravit qualiter est vivendum*), что также свойственно гуманистической эпитафии²⁶.

В тексте памятника имеются слова и словосочетания, частотность употребления которых достаточно низка для средневекового европейского надгробия, относящегося ко времени ранее XV в., и которая, напротив, возрастает в европейских эпитафиях XV–XVII вв. (*professione philosophus, logicus, dialecticus, sophismata, florem adolescentiae amisit, qualiter est vivendum*).

²³ Примечательно, например, что в эпитафии Рафаэля, составленной Пьетро Бембо, личность усопшего определяется исключительно аллюзией к его творчеству: *ILLE HIC EST RAPHAEL TIMUIT QUO SOSPITE VINCI RERUM MAGNA PARENS ET MORIENTE MORI* (Castagna: 1997. 617–629). Обращение к читателю в эпитафии астронома и часовых дел мастера Якопо Донди, создателя падуанских часов, выдвигает на первый план просьбу ознакомиться с творением усопшего, узнать об индивидуальном результате его интеллектуального труда (*inventum*) и лишь затем просит молиться об упокоении и оставлении грехов: *Inventum cognosce meum, gratissime lector, et pacem vel veniam tacitu-sque precare* (Хоментовская 1995: 75). *POSTQUAM LEONARDUS EVITA MIGRAVIT HISTORIA LUGET, ELOQUENTIA MUTA EST* – отмечает эпитафия Леонардо Бруни Аретино, принадлежащая некрополю флорентийской базилики Санта-Кроче. *SISTE VIDES MAGNUM QUAE SERVANT MARMORA VATEM INGENIO CUIUS NON SATIS ORBIS ERAT...* – провозглашает эпитафия Карло Марсуппини, принадлежащая тому же некрополю. Наконец, эпитафия архитектора Бускетто, относящаяся к эпохе пизанской *romanitas* XI–XII вв., определяет личность усопшего, также упоминая его творчество и исключительность одаренности: *BUSKET(us) IACEt [hi]C [qui] mOTIB(us) INGENIORU(m) DULICHIO [fert]ur pREVALUISSE DUCI...* (Scalia: 1982. 817–859).

²⁴ Хоментовская 1995: 54–55.

²⁵ Там же: 54–70.

²⁶ Ср. эпитафию Леонардо Джустиниани, прокуратора венецианского Сан-Марко: *Hospes amice scire si cupis qui sim; Leonardus Justinianus procurator S. Marci situs hic sum; plura de me non licet; ab aliis fortasse plura si cupis scibis* (Labalme 1969: 89). Эпитафия констатирует, таким образом, отсутствие необходимости дополнительного определения личности покойного, помимо указания его имени и оффиции (*plura de me non licet*). О большем могут, вероятно, сказать живущие, хранящие память об индивидуальном жизненном опыте покойного (*ab aliis fortasse plura si cupis scibis*).

Рис. 4

Эпитафия Василия Выговского. Строки 20–23

Структура эпитафии Василия Выговского также ориентирована на западноевропейские традиции: в ней выделяются: *invocatio* (стк. 1), *apostrophus ad lectorem* (стк. 2–3), *dispositio* (стк. 4–18), *clausula moralis* (стк. 19–23).

Invocatio представлено в тексте эпитафии сиглевым сокращением D(eo) O(ptimo) M(aximo). Данная формула, соответствующая античной формуле I(ovi) O(ptimo) M(aximo), приобретает широкое распространение в ренессансной эпитафической практике (прежде всего, в Италии) и в дальнейшем закрепляется в европейских эпитафиях Нового времени. В средневековой западноевропейской эпитафике ранее XV в. данная формула *invocatio* остается практически неизвестной.

Apostrophus ad lectorem является традиционной составляющей средневекового надгробного текста²⁷ и, во многом, ренессансной эпитафии²⁸, имеет параллели в античной²⁹ и раннехристианской эпитафике³⁰. В старорусские надгробия он проникает вместе со стихотворной эпитафией.

В *dispositio* указаны имя и фамилия покойного, обстоятельства жизни и смерти, дата и место смерти, приводятся иные составляющие индивидуально-жизненного опыта покойного. Это сближает эпитафию Выговского со старорусскими надгробиями второй половины XVII – начала XVIII в., где наряду с продолжительностью жизни указывались обстоятельства насильственной смерти. Последний информационный блок Л.А. Беляев связывает с традиционным делением смерти на «свою» (естественную) и «напрасную» (случайную и насильственную) и стремлением составителей эпитафий подчеркнуть «неслучайность» гибели «на рати» или на государственной службе³¹. При этом смерть

²⁷ Favreau 1997: 45–46.

²⁸ Хоментовская 1995: 74–76.

²⁹ Брагинская 1983: 128–129.

³⁰ Вальков 2009: 204–217.

³¹ Беляев 1996: 255.

Рис. 5

Москва. Всехсвятский мост в конце XVII века.
Рисунок А. Васнецова

рассматривается как избавление от ухищрений (*sophismata*) нынешней (*prasentis*) жизни. Говоря иначе, адресат эпитафии погиб и, избежав искушений жизни земной, получил жизнь вечную.

Место гибели Василия Выговского определено в эпитафии очень точно. Им стал *ad Mosqua fluvium ... pons sublicius* (свайный мост или мост на стол-

бах) – каменный Всехсвятский мост через Москва-реку (рис. 5), строительство которого было завершено в 1682–1687 гг. (достраивался в 1692 г.). Он пользовался дурной славой, так как под одним из пролётов на левом берегу («девятой клеткой») собирались «воры» и «лихие люди»³². Обозначение места гибели далеко не всегда прослеживается по античному и ренессансному материалу, но находит соответствие в эпитафиях старорусских, отражавших смерть на государственной службе³³. Однако Василий Выговский погиб при иных обстоятельствах. В подобных случаях в Московской Руси бытовала традиция ставить на месте трагедии памятные кресты с надписями, сообщающими о времени, месте и обстоятельствах гибели человека. Одной из наиболее распространённых на них была формула «убиен» или «убиен от разбойников»³⁴. Получается, что эпитафия Выговского совмещает информационные элементы, не совместимые в старорусской эпиграфике: факт насильственной (не на государственной службе) смерти с формулой, распространённой на памятных крестах, ставившихся на месте гибели.

³² Мартынов, Снегирёв 1852: 207.

³³ Так, в эпитафии М.В. Апраксина, погибшего на государственной службе в 1666 г., читаем: «Лѣта 7175 по указу Великаго Государя Царя был в Астрахани Матвѣй Васильевич Опраксинъ, и во 176^м году, какъ ѣхалъ изъ Астрахани и убиенъ на стѣпи межъ Саратова и Пензы перѣхавъ рѣку Медвѣдицу, отъ Калмыковъ и отъ Башкирцовъ изъ сѣченъ многими ранами и изъ стрѣленъ ноября в 6^м числѣ на память иже во святыхъ отца нашего Павла Исповѣдника и с нимъ побито до смерти Государевыхъ и ево дому людей 40 человекъ. И тѣло ево на стѣпи сыскано и погребено на семь мѣстѣ, а тезоименитство его августа в 9^й день» (Григорий 1913: 20–21. № VI).

³⁴ Яганов 2011: 366, 369.

Но в том-то и дело, что, врез с устоявшейся традицией, реальный мост, на котором был убит Василий Выговской, в эпитафии превращается в мифологему, существующую у многих европейских народов: мост – одновременно и символ жизненного пути, и символ опасного перехода из мира живых в мир мёртвых, находящийся на другом берегу реки, и персонификация необходимой при переходе жертвы. «Диалектика» указанного локуса приобретает, таким образом, гераклитовское звучание, вполне согласующееся с обозначенным в начале эпитафии намерением указать на изменчивость бытия (*mortalitatis argumentum*). Старорусской эпитафии свойственно отображение факта смерти, но не его мифологически-философское осмысление.

Вместе с тем, Свайный мост, *первый* каменный мост в столице Московской Руси, упомянутый в латинской эпитафии, вызывает прямые ассоциации с *Pons Sublicius* – *древнейшим* мостом Рима³⁵. Вопрос о том, было ли это в глазах автора надписи отсылкой к эрудиции читателя, напоминающей о подвиге Горация Коклеса, сдержавшего у моста *многих* врагов³⁶, или же изящной архитектурной параллелью между *Ветхим* и *Третьим* Римом, предпочтём оставить открытым.

Таким образом, мост, на котором погиб философ, становится символическим рубежом между эпиграфикой Московской Руси и имперской. Одни с мужеством, достойным Горация Коклеса, защищали у моста старые устои, другие с философским спокойствием Василия Выговского уступали стремительному напору обвальнoй вестернизации.

Важной особенностью эпитафии Василия Выговского является также указание этнохоронима, что в целом не свойственно для гуманистической эпитафии, так же как и эпитафии старорусской. Как и в ренессансной эпитафии, в эпитафии Василия Выговского отчетливо проявляется стремление придать мысли совершенное вербальное оформление, основывающееся на тонком разграничении значений слов, разнообразии падежных соотношений. Синтаксис *dispositio* эпитафии Василия Выговского можно охарактеризовать как *syntaxis mortalitatis*, основывающийся на противопоставлении жизни и смерти, движения и преткновения, торжества и поражения (*dum cursum vitae currit ... offendens consumavit; triumphavit ... succubuit; de ingeniis multorum triumphavit ... paucis succubuit; non mortis praesentis tamen vitae effugit sophismata*).

Syntaxis mortalitatis, представленный наиболее характерной формулой *sum quod eris et quod es ante fui*, известен, начиная с VI в., по средневековым надгробным текстам³⁷. Эпитафия гуманистической эпохи, не отказываясь от упо-

³⁵ О нём см.: Bell Platner 1929: 401–402.

³⁶ *Liv.* II. 10.

³⁷ Favreau 1997: 157–161.

мянутаго противопоставления, обогащает его античными реминисценциями, что обуславливает бóльшую свободу синтаксического выражения и лексического оформления.

Эпитафия Василия Выговского завершается клаузулой, отмечающей нравственную ценность индивидуального жизненного опыта и его экспликативное значение (*omnibus demonstravit qualiter est vivendum*).

Рассмотренная латиноязычная эпитафия Василия Выговского является, таким образом, уникальным для русской эпитафической практики первой четверти XVIII в. примером надгробного памятника. Данный памятник по языку, структуре информационных элементов и принципам их размещения, подобно философу, погибшему на мосту, проходит сквозь традиции старорусской эпитафики, открывая путь дальнейшей эволюции русского надгробия как типа эпитафического памятника, во многом намечая и предвосхищая общие системные изменения, характерные для русской эпитафической практики первой четверти XVIII в.

РЕЗЮМЕ

В статье публикуется надгробие 1718 г. с латиноязычной эпитафией из Московского Заиконоспасского монастыря, принадлежащее студенту или преподавателю Славяно-Греко-Латинской академии Василию Выговскому, выходцу из Малороссии, который был убит разбойниками на Большом Каменном мосту (названном в эпитафии «*pons sublicius*») в Москве. По языку и содержанию публикуемая эпитафия является символическим рубежом между эпитафикой Московской Руси и имперской.

Ключевые слова: латинская эпитафика раннего Нового времени, латинские надписи в России, надгробия, эпитафии, Москва, Заиконоспасский монастырь, Славяно-Греко-Латинская академия, Большой Каменный мост

THE BRIDGE OF THE LOST PHILOSOPHER AS A BOUNDARY OF THE MOSCOW RUSSIA EPIGRAPHY

Alexander G. Avdeev, Dmitriy V. Valkov

The authors publish the gravestone of 1718 with a latin epitaph from the Moscow Zaikonospassky monastery. It belongs to a student or a teacher of the Slav-Greek-Latin academy Vasily Vygovskiy, the native of Malorossiya who was killed by robbers on the Great Stone Bridge (*pons sublicius*) in Moscow. On language and the contents the published epitaph is a symbolical boundary between epigraphies of Moscovite and imperial Russia.

Key words: Latin Epigraphy of early Modernity, Latin Epigraphy in Russia, gravestones, epitaph, Moscow in XVIIIth century, Zaikonospasskij monastery, the Slav-Greek-Latin academy, the Great Stone Bridge

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.Г., Пирогов В.Ю. 2006: Кладбище иноземцев в Марьиной Роще // ВЭ. Вып. I. С. 36–59.
- Беляев Л.А. 1996: Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.
- Брагинская Н.В. 1983: Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М. С. 119–139.
- Бударагина О.В. 2010: Латинские надписи в Петербурге. Latin inscriptions in Saint Petersburg. СПб.
- Вальков Д.В. 2009: Раннехристианские эпитафии: о возможностях деструкции «текста» // ВЭ. Вып. III. С. 204–217.
- Воробьев Ю.К. 1999: Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII вв. Саранск.
- Гириберг В.Б. 1960: Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. Т. I. С. 3–77.
- Гириберг В.Б. 1960: Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. Т. III. 1962. С. 212–287.
- Григорий А. 1913: Историческое описание Московского Златоустовского монастыря. М.
- Дрбоглав Д.А. 1988: Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.
- Ковалёв А. 1887: Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. М.
- Кувшинская И.В. 2010: *Coronae species templvm exhibit*. Латинские надписи храма Знамения Пресвятой Богородицы в Дубровицах // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. 1. С. 189–209.
- Мартынов А.А., Снегирёв И.М.: 1852. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год 3-й. М.
- [Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.]: 1907. Московский некрополь. Т. I. СПб.
- [Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.]: 1908. Московский некрополь. Т. II. СПб.
- Смирнов С. 1855: История Московской Славяно-Греко-Латинской академии. М.
- Хоментовская А.И.: 1995. Итальянская гуманистическая эпитафия: её судьба и проблематика. СПб.
- Яганов А.В. 2011: По поводу происхождения каменного креста по стряпчему С. М. Пуштошкину // ВЭ. Вып. V. С. 362–369.

-
- Bell Platner S.* 1929: A Topographical Dictionary of Ancient Rome / Compl. and rev. by Th. Ashby. L.
- Castagna L.* 1997: ILLE HIC EST RAPHAEL: l'epitafio latino per Raffaello al Pantheon // *Aevum*. Anno 71. Fasc. 3. Settembre-dicembre. P. 617–629.
- Favreau R.* 1997: *Épigraphie médiévale*. Turnhout (L'Atelier du Médiéviste. T. 5 / Collection dirigée par J. Berlioz et O. Guyotjeannin).
- Labalme P.H.* 1969: Bernardo Giustiniani. A Venetian of the Quattrocento. Roma.
- Scalia G.* 1982: Tre iscrizioni e una facciata. Ancora sulla cattedrale di Pisa // *Studi medievali*. 3^a serie. Vol. XXIII. Spoleto. P. 817–859.

